

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Научная статья
УДК 821.09(4) «19»
ББК 83.3(4)52
М52

DOI: 10.53598/2410-3489-2023-1-312-58-63

Прием олицетворения в произведениях Э. Т. А. Гофмана, Г. Х. Андерсена и Ч. Диккенса: сравнительно-типологический анализ (Рецензирована)

Мариета Муратовна Меретукова¹, Фатима Батырбиевна Бешукова²

^{1,2}Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия,

¹boss750@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2762-883X>;

²fat8474@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-2794-0228>

Аннотация:

В статье проводится сравнительно-типологический анализ реализации приема олицетворения на материале литературных произведений представителей европейской литературы XIX века (Ч. Диккенса, Э.Т.А. Гофмана, Г.Х. Андерсена). Особое внимание уделено «малому миру» - миру простых быденных вещей, интерес к которому объединяет творчество названных авторов. Именно на уровне «малого мира» выделяются и описываются характерные особенности приема олицетворения, благодаря которым писателям удается показать тесную связь между неодушевленными предметами и человеком, и на уровне «малого мира» можно говорить о сходстве отдельных образов и мотивов в произведениях авторов, что позволяет сделать вывод о закономерностях развития сказочного жанра и типологическом сходстве отдельных образов. Можно говорить о своеобразии западноевропейской социальности сказки XIX века, вбирающей в себя новый, несвойственный для данного жанра круг тем, образов, проблем.

Ключевые слова: эпоха романтизма, Ч. Диккенс, Э.Т.А. Гофман, Г.Х. Андерсен, сказка, прием олицетворения, традиция, поэтика сказки, XIX век, европейская литература.

Для цитирования: Меретукова М. М., Бешукова Ф. Б. Прием олицетворения в произведениях Э. Т. А. Гофмана, Г. Х. Андерсена и Ч. Диккенса: сравнительно-типологический анализ // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение, 2023. Вып. 1 (312). С.58-63. DOI: 10.53598/2410-3489-2023-1-312-58-63

Original Research Paper

Personification in the works of E.T.A. Hoffmann, H.Ch. Andersen and Ch. Dickens: comparative and typological analysis

Marieta M. Meretukova¹, Fatima B. Beshukova²

^{1,2}Adyghe State University, Maykop, Russia,

¹boss750@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2762-883X>;

²fat8474@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-2794-0228>

Abstract:

The article provides a comparative and typological analysis of the personification in the European literature of the 19th century (Ch. Dickens, E.T.A. Hoffmann, H.Ch. Andersen). Particular attention is paid to the «small world» - the world of basic things, to which Hoffmann, Andersen and Dickens pay attention in their works. It is at the level of the «small world» that the characteristic features of personification are distinguished and described, thanks to which the writers manage to show a close relationship between inanimate objects and a person, and it is at the level of the «small world» that we can talk about the similarity of individual images and motives in the works of the authors.

Keywords: The Romantic period, Ch Dickens, E.T.A Hoffman, H.Ch Andersen, fairy tale, personification, tradition, fairy tale poetics, XIX century, European literature.

For citation: Meretukova M. M., Beshukova F.B. Personification in the works of E.T.A. Hoffmann, H.Ch. Andersen and Ch. Dickens: comparative and typological analysis //Bulletin of Adyghe State University, Ser.: Philology and Art Criticisms, 2023. No.1 (312). P.58-63. DOI: 10.53598/2410-3489-2023-1-312-58-63

Введение.

Романтизм как особый культурный феномен, вбирающий в себя своеобразную романтическую философию, наложил особый отпечаток не только на живопись и музыку, но и на литературу XIX века. Вместе с расцветом эпохи романтизма «в конце VIII – начале XIX века в мировой литературе наблюдается особый интерес к фольклору и сказочным традициям» [1:115]. Именно в эпоху романтизма сказка как литературный жанр была окончательно сформирована и прочно заняла свое место в малой прозе наряду с рассказом и новеллой. Сказочные традиции встречаются в произведениях известных европейских писателей эпохи романтизма: Чарльза Диккенса, Ганса Христиана Андерсена и Эрнста Теодора Амадея Гофмана. Хотя Э.Т.А. Гофман являлся предшественником Ч. Диккенса и Г.Х. Андерсена, однако можно говорить о том, что они современники благодаря общей тематике и проблемам, затрагиваемым в их произведениях. Перед тем как провести сравнительно-типологический

анализ отдельных произведений, необходимо сказать, что названные авторы разделяют художественное пространство своих произведений на два своеобразных мира. Первый – «большой мир» - мир чувств, страстей, социальных проблем - всего того, что мы обычно называем жизнью. Каждый из авторов воссоздает этот мир через призму своего мировоззрения, своих взаимоотношений с реальностью. Второй мир – «малый», который вроде бы незаметен, но присутствует в нашей жизни и играет не последнюю роль. Для человека наблюдательного, наделенного фантазией, не потерявшего детского восприятия окружающего, этот мир подчас бывает более интересным, чем «большой». «Малый мир» - мир домашний, детский, «мир игрушек, простых быденных предметов, всякой мелкой безобидной твари, фантастических существ, созданных народной сказкой, издавна привычных детскому воображению» [2: 15-116]. Немаловажную роль в «малом мире» играет способность этих предметов, вещей и существ говорить или принимать облик живых людей.

Именно «малый мир» и объединяет творчество Гофмана, Андерсена и Диккенса, становясь волшебной основой их сказочных сюжетов.

Материалы и методы.

Материалами исследования послужили произведения известных писателей зарубежной литературы XIX, представляющих три национальные культуры: Германию (Э.Т.А. Гофман), Англию (Ч. Диккенс) и Данию (Г.Х. Андерсен). Для выявления особенностей реализации приема олицетворения, вносящего особую «сказочность» в сюжеты текстов Гофмана, Андерсена и Диккенса, в качестве базового метода исследования используется сравнительно-типологический метод.

Обсуждение.

Исследуя «малый мир» великих писателей XIX века, обратимся в первую очередь к сказке «Щелкунчик и Мышиный король» Гофмана, где мы встречаемся с ожившими игрушками Мари. Девочка оказывается свидетельницей небывалого сражения между мышами и кукольной гвардией. Следует отметить, что такое средство художественной выразительности, как прием олицетворения, которым умело пользуется автор, создает иллюзию реальности происходящего. Данному эпизоду предшествует «тактичное» вступление Гофмана. Он «по-сказочному» осторожно подводит Мари, а с ней и читателей к тому, что сейчас произойдет что-то чрезвычайное. *Она заперла шкаф и собралась уже уйти в спальню, как вдруг... Слушайте внимательно, дети!.. Как вдруг во всех углах — за печью, за стульями, за шкафами — началось тихое-тихое шушуканье, перешептывание и шуршание. А часы на стене зашипели, захрипели все громче и громче, но никак не могли пробить двенадцать* [3]. Гофман с легкостью балансирует между сказкой и реальностью, остро ощущая их внутреннюю глубинную близость.

Андерсен, в свою очередь, благодаря умелому использованию

приема олицетворения расширяет возможности предметов, описывая целые истории из жизни Штопальной иглы, Бутылочного горлышка, Серебряной монетки и т. д. Его «герои» естественны: кажется, что именно так и должны вести себя эти предметы, если бы они действительно ожили. Например, каким важным, гордым и независимым выглядит андерсеновский чайник из одноименной сказки: *Чайник был таки горденёк; он гордился и фарфором своим, и длинным носиком, и широкой ручкою — всем. /.../ О том же, что крышка у него была разбита и склеена — молчал* [4].

Диккенс, в свою очередь, очеловечивает неживой мир путем его одушевления. О том, что эта тенденция изображения живыми неодушевленные предметы не случайна для писателя, свидетельствует его постоянное к ней обращение. Так, уже в «Очерках Боза» мы видим целый *кордебалет из сапог и туфель, ботинки прыгали и взлетали во все стороны сразу, а полусапожки такт держали хуже, зато очень уж лихо они отплясывали и сами веселились больше* [5].

Энгус Уилсон пишет, что «это лишь незначительный и ранний пример той удивительной, управляющей всем его вымышленным миром силы, которая вдыхает жизнь в неодушевленные предметы — одежду, мебель, орудия труда, — наделяя их независимым существованием. Без этого не понять волшебства многих его великолепных страниц» [6].

Убеждение Диккенса в том, что простая извозничья карета могла бы написать очень интересную книгу о своей жизни, осталось прочным и непоколебимым на протяжении всего творчества писателя. *Мы уверены, — пишет Диккенс в произведении «Картинки с натуры», — что история старой наемной кареты ничуть не менее занимательна, чем история старого наемного писаки...* [5]. Он также, как и Гофман, стоит на грани, отделяющей реальность

от фантастики, но не заходит далеко ни в ту, ни в другую сторону.

Особую любовь писатель проявляет к описанию домов и трактиров. Он сравнивает их с людьми, наделяя каждое здание определенными человеческими качествами. Например, в романе «Барнаби Радж» Диккенс дает дому Гейбриала Вардена следующую характеристику: *Дом был скромный, небольшой и не слишком современной архитектуры; он не глазел нахально на прохожих большими окнами, а застенчиво щурился, и острая верхушка его конусообразной крыши торчала над подслеповатым чердачным окошком из четырех мелких стеклышек, как треуголка на голове одноглазого старичка* [5].

Не менее «очеловеченным» писатель в этом же романе рисует трактир «Майское дерево». Диккенс сравнивает его со стариком, который, задремав, клюет носом, а кирпич, когда-то темно-красный, выцвел и стал желтоватым, как кожа старика; крепкие балки гнили, как испорченные зубы, и плюц местами тесно лънул зелеными листьями к источенным временем стенам, как теплая одежда, защищающая от холода одряхлевшее старческое тело [5].

А дом Джона Джардиса, из романа «Холодный дом» Диккенса после смерти своего хозяина выглядел, по мнению писателя, так *будто /.../ пустил себе пулю в лоб – так он был запущен и разрушен* [5].

Мотив «ожившего» дома, а точнее «старого дома» перекликается у Диккенса с подобным мотивом из сказки Андерсена «Старый дом», которую английский писатель очень любил и неоднократно перечитывал. Андерсеновский старый дом похож на старого человека, от которого спешат избавиться его молодые наследники: *Все остальные дома в улице были такие новенькие, чистенькие, /.../ по всему видно было, что они не желали иметь со старым домом ничего общего и даже думали: «Долго*

ли он будет торчать тут на позор всей улице?» [5].

В сказках Диккенса кроме домов появляются и другие «живые вещи», и здесь писатель выступает в роли настоящего волшебника. Подобно адресеновскому Оле-Лукойле, Диккенсу достаточно лишь дотронуться своей *волшебной спринцовкой* [4] – чудесным даром сказочного видения мира – до вещей, как все они оживают и *сейчас же начинают болтать между собой* [4].

Особого внимания заслуживает посуда из дома Подснепов из первой книги тома «Наш общий друг» – такая же чванливая, как и сама ее хозяйка. Диккенс описывает ее в лучших традициях Гофмана и Андерсена, показывая характер каждого предмета, и он не только вдыхает жизнь в предметы, но и награждает их голосом и правом говорить, индивидуализируя речь. Каждая вещь говорила хвастливо: *Вот она я, такая громоздкая и безобразная, словно вылита просто из свинца, а ведь во мне столько-то унций драгоценного металла, по столько-то за унцию; не угодно ли сделать из меня слиток?* [5].

В романе «Жизнь и приключения Николаса Никльби» мы встречаем и «ожившую» мебель. Диккенс находит ее в доме Артура Грайда и всему дает очень меткие характеристики. Мы видим *изнуренные, отощавшие шкафы*, которые, опасаясь воров, *забились в темные углы, угрюмые часы с длинными, тощими стрелками и голодными циферблатом*, которые *тикали осторожным шепотом* [5].

Если бы мы попали в комнату Джо Уиллета, то первое, что бросилось бы нам в глаза, были бы стулья и столы, *днем имевшие вид обыкновенных честных калек, и словно изъеденная проказой ширма, которая торчала как скелет* [5].

Предметы обстановки в доме мистера Домби («Домби и сын») не только соответствует общему порядку, царящему здесь, но, как это часто

бывает у Диккенса, дополняют характеристику их хозяина. Поэтому книжный шкаф *не допускал никакой фамильярности*, а зеркало над камином, *казалось преисполнено было меланхолическими размышлениями* [5].

Старый портрет ненавистного генерала, висящий в трактире «Майское дерево», ассоциируется у нас со сказками Андерсена, в частности, напоминает о ворчливом портрете прадедушки Яльмера из «Оле-Лукойе». Только прадедушка выражает недовольство молодым поколением, а генерал *по мере того, как в комнате меркнет дневной свет* начинает дремать, а с наступлением темноты он просто закрывает глаза и крепко спит [5].

Интересное сходство мотивов в творчестве Э.Т.А. Гофмана и Ч. Диккенса отметил Хельмут Вейброк. Он обращает внимание на то, что в произведениях писателей в силу их сходства проявляются одинаковые образы. Имеется в виду образ «ожившего» дверного молотка в новелле Гофмана «Золотой горшок» и в «Рождественской песне в прозе» Диккенса. Обращаясь к миру «малых» вещей, сказочники умело превращают этот простой обыденный предмет в «старинную магическую вещь» [7].

В сказке «Золотой горшок» например, *студент Ансельм /.../ остановился и рассматривал большой и красивый дверной молоток /.../ только что он хотел взяться за этот молоток /.../ как вдруг бронзовое лицо искривилось и ослабло в отвратительную улыбку и страшно засверкало лучами металлических глаз* [9].

Вейброк считает, что Диккенс вряд ли был знаком с гофмановским

«Золотым горшком». Но, как пишет исследователь, «он знал лондонские дверные молотки» [7]. Он также знал и видел поэзию в простых будничных вещах. Отсюда берет начало «романтическая сказочность» Диккенса, «его образность, его поэтика», которая «гораздо ближе к поэтике и образности романтизма, чем фольклора» [7]. Отсюда и дверной молоток, который Скрудж *видел /.../ ежеутренне и ежевечерне* и который однажды навел на него такой ужас: *Скрудж, вставив ключ в замочную скважину, внезапно увидел перед собой не колотушку, а лицо Марли /.../ волосы как-то странно шевелились, словно на них веяло жаром из горячей печи, а широко раскрытые глаза смотрели совершенно неподвижно /.../ Скрудж во все глаза уставился на это диво, и лицо Марли тут же превратилась в дверной молоток* [5]. Так проявляет себя поэтика сказки на уровне «малого мира», включенного в «большой мир» сказочных произведений писателя.

Заключение.

На основе проведенного нами сравнительно-типологического анализа произведений Ч. Диккенса, Э.Т.А. Гофмана и Г.Х. Андерсена можно в них отметить общность литературных приемов, в частности, приема олицетворения. Подобное сходство позволяет сделать вывод о закономерностях развития сказочного жанра. Можно говорить о своеобразной социальности сказки, вбирающей в себя новый, несвойственный для данного жанра круг тем, образов, проблем. «Социальное начало остается одним из основополагающих факторов, влияющих на характер, но значение приобретают и другие, разные по своей природе мотивы» [9:151].

Примечания:

1. Напцок Б.Р., Меретукова М.М. Мотивы восточных сказок в творчестве Ч. Диккенса // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. 2019. Вып. 2 (237). С. 114-119.

2. Сильман Т.И. Ханс Кристиан Андерсен // О литературе для детей. Л.: Дет. лит., 1957. Вып. 2. С. 115-116.
3. Гофман Э.Т.А. Щелкунчик и Мышиный Король. URL: https://teremok.in/Pisateli/Zarub_Pisateli/Sbornik_Zarub_Pis/Shelkunchik2.htm
4. Андерсен Г.Х. Сказки Ганса Христиана Андерсена. URL: https://nukadeti.ru/skazki/gans_khristian_andersen
5. Диккенс Ч. Очерки Боза. URL: <https://libcat.ru/user/Чарльз+Диккенс/>
6. Уилсон Э. Лондон, по Бозу. Мир Чарльза Диккенса. URL: <https://biography.wikireading.ru/h8HsDkmTgB>
7. Viebrock H. The knocker: Physiognomical aspects of a motif in Hoffmann and Dickens. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/00138386208597132>
8. Гофман Э.Т.А. Золотой горшок: сказка из новых времен. URL: <http://lib.ru/GOFMAN/gorshok.txt>
9. Панеш У.М., Соколова Г.В. Усиление лирического начала и эволюция жанровых формирований в литературе 60-80 гг. XX века (на материале адыгских литератур) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. 2022. Вып. 2 (297). С. 150-157.

References:

1. Napsok B.R., Meretukova M.M. Motives of Oriental fairy tales in Ch. Dickens's works // Bulletin of the Adyghe State University. Ser.: Philology and the Arts, 2019, Iss. 2 (237): P.114-119.
2. Silman T.I. Hans Christian Andersen / On Literature for Children. L.: State ed. Det. Lit., 1957. Iss. 2. P. 115-116.
3. Hoffman E.T.A. The Nutcracker and the Mouse King. URL: https://teremok.in/Pisateli/Zarub_Pisateli/Sbornik_Zarub_Pis/Shelkunchik2.htm
4. Andersen H.Ch. Tales of Hans Christian Andersen. URL: https://nukadeti.ru/skazki/gans_khristian_andersen
5. Dickens Ch. Sketches by Boz. URL: <https://libcat.ru/user/Charles+Dickens/>
6. Wilson E. London, after Boz. The World of Charles Dickens. URL: <https://biography.wikireading.ru/h8HsDkmTgB>
7. Viebrock H. The knocker: Physiognomical aspects of a motif in Hoffmann and Dickens. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/00138386208597132>
8. Hoffman E.T.A. The Golden Pot: A Tale from New Times - URL: <http://lib.ru/GOFMAN/gorshok.txt>
9. Panesh U.M., Sokolova G.V. Strengthening the lyrical principle and evolution of genres in the literature of the 1960s –1980s (based on the Adyghe literatures) // Bulletin of the Adyghe State University. Ser.: Philology and the Arts. 2022. Iss. 2 (297). P. 150-157. DOI: 10.53598/2410-3489-2022-2-297-150-157.

*Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.*

Статья поступила в редакцию 04.01.2023; одобрена после рецензирования 15.02.2023; принята к публикации 22.03.2023.

The paper was submitted 04.01.2023; approved after reviewing 15.02.2023; accepted for publication 22.03.2023.

© М. М. Меретукова, Ф. Б. Бешукова, 2023